

М. П.
АРЦЫБАШЕВ

Узбранное



Михаил Арцыбашев

Тени утра

«Public Domain»

1905

Арцыбашев М. П.

Тени утра / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1905

«Была весна. Паша Афанасьев, гимназист восьмого класса, освобожденный от экзаменов по болезни, и гимназистка Лиза Чумакова стояли у плетня, который перегораживал два сада. Лиза, прислонившись одним плечом к плетню, и с тем, еще детски серьезным и уже девически нежным, выражением своих серых, немного выпуклых глаз, которое появлялось у нее всегда в важных случаях жизни, – слушала и глядела вниз, на книгу, которую держала, и на оборки своего светло-серого платья...»

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| I | 5 |
| II | 8 |
| III | 12 |
| IV | 15 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 16 |

Михаил Петрович Арцыбашев

Тени утра

I

Была весна. Паша Афанасьев, гимназист восьмого класса, освобожденный от экзаменов но болезни, и гимназистка Лиза Чумакова стояли у плетня, который перегораживал два сада.

Лиза, прислонившись одним плечом к плетню, и с тем, еще детски серьезным и уже девически нежным, выражением своих серых, немного выпуклых глаз, которое появлялось у нее всегда в важных случаях жизни, – слушала и глядела вниз, на книгу, которую держала, и на оборки своего светло-серого платья. А Паша Афанасьев, с другой стороны навалившись грудью на плетень, потому что ему было трудно стоять, – высоким, надтреснутым голосом говорил:

– А если вас не пустят, так удерем сами!.. Не пропадем... как-нибудь! Я вам там уроки достану, переписку какую-нибудь. Проживете, ничего!.. А трудно будет сначала... так что ж, без этого нельзя! – беззаботно махнул рукой Паша Афанасьев. – В этом даже своя прелесть есть, право... А то что ж тут торчать?.. Там ведь жизнь какая!.. Там все движется, живет... С работы на сходку, со сходки в театр или библиотеку... вот это я понимаю, это жизнь настоящая; а то что ж это?.. Я как подумаю, что двадцать лет просидел в этой дыре проклятой, так...

Паша Афанасьев отломил от плетня гнилую серую палку и с отчаянием швырнул ее в траву.

Где-то далеко, за зелеными деревьями и кустами, разливавшими вокруг какое-то бесконечно зеленое море, насквозь пронизанное светом и тысячами удивительно отчетливых, свежих звуков, горничная Чумаковых, Василиса, звонко прокричала:

– Ба-рышня!.. Идите обедать!.. Ау!..

В этом неожиданном лесном «ау» было что-то такое бесшабашно веселое и жизнерадостное, что Лиза и Паша Афанасьев разом взглянули друг на друга и улыбнулись.

– Иду-у! – громко, так что где-то вблизи вздрогнуло маленькое, круглое эхо, крикнула Лиза, оттолкнулась плечом от плетня и, опять сделав то же наивно-серьезное выражение лица, сказала низким и полным голосом: – Может быть, и не пустят, но я поеду... – И, помолчав, прибавила: – Я уж так решила.

Паша Афанасьев восторженно шелкнул пальцами.

– Ну, вот это я называю – молодец, Лизочка!.. – радостно задрожавшим, светлым голосом сказал он. – И вы жалеть не будете, Лиза, милая!.. Они, что ж... посердятя и перестанут; а у вас вся жизнь впереди!.. Эх, заживем мы там с вами!.. Работать будем так, что только держись!.. Время-то теперь горячее, рабочее, – люди нужны... Кружок у нас там будет свой, хороший... Будем искать людей дела! – басом прибавил Паша Афанасьев. – Мы с вами ведь еще и сами не знаем, какое счастье окунуться в самую гущу жизни... Когда идешь и чувствуешь, что тут рядом, плечо в плечо, шагают такие же люди, рабочие, сильные... смелые...

Паша Афанасьев сжал кулаки и задорно встряхнул головой. На лицо его падал свет, и темные глаза блестели восторгом и силой, и оттого ярче обозначались на этом лице бледные черты слабости и болезни. Лиза внимательно и доверчиво смотрела на него.

– А то читаешь, как люди живут, борются, свое счастье куют... иной раз дух захватывает, так, кажется, и побежал бы впереди всех, а... ты только из книжки, сидя за чаем с вареньем, и узнаешь, что есть какая-то иная жизнь, не похожая на твое куриное прозябание...

Лиза тяжело вздохнула и дернула себя за кончик косы.

– Итак, значит, по рукам? – с шутливой торжественностью спросил Паша Афанасьев, протягивая руку через плетень.

Лиза, улыбаясь, посмотрела в его юное, милое лицо, – такое мужественное и такое нежное, чуть тронутое пухом, – и подала свою руку, маленькую, с пухлой ладонью и прелесть какими хорошенькими, изящными пальчиками, которые так и хотелось медленно и осторожно перецеловать все подряд. Паша Афанасьев крепко встряхнул ее, и на глазах у него выступили светлые, беспричинные слезы.

– Ах, вы, милая моя Лизочка! – задушевно, напряженным голосом сказал он и слабо вздохнул больною грудью.

– Барышня!.. – настойчиво прокричала где-то уже совсем близко Василиса.

Лиза кивнула головой Паше Афанасьеву и пошла по дорожке, быстро и упруго ступая желтыми тufельками на обтянутых черных чулках.

– Да... – вдруг хлопнул себя по лбу Паша Афанасьев. – Лиза!..

Лиза сейчас же остановилась и оглянулась.

– Я вам и забыл сказать... Попутчица-то для вас уже есть: Дора Баршавская... Тоже на курсы едет... Она из Полтавской гимназии...

– Жидовка? – спросила Лиза издали.

– Жидовка... то есть еврейка! – огорчился Паша Афанасьев. – Как вам не стыдно, Лиза, ей-богу?.. Я думал, вы выше этого!..

Лиза внимательно и серьезно посмотрела на него.

– Я не о том... – сказала она спокойно. – Так...

– Я вас с нею сегодня познакомлю на бульваре; хорошо? – спросил Паша Афанасьев, мигом успокаиваясь. – Она очень хорошая, развитая девушка...

– Познакомьте... – сказала Лиза, кивнула головой и пошла дальше.

Паша Афанасьев задумчиво посмотрел ей вслед, держась за плетень обеими вытянутыми худыми руками и покачиваясь взад и вперед. Потом мечтательно поглядел вверх, где сквозь зеленую решетку листьев ярко голубело небо. В голове у него все еще стояло что-то огромное, какие-то рычаги, люди, какое-то веселое и страшное движение. Паша Афанасьев закрыл глаза, провел рукою по мягким волосам и пошел домой, прямо по бурьянам, по молодой зеленой траве, сплошь пересыпанной мелкими, разноцветными глазками простых цветов.

Стол был накрыт на балконе, и Павел Иванович с Ольгой Петровной сидели за столом. Василиса подавала белую миску с зеленой ботвиньей, звеня своими бесчисленными монистами на раскачивающейся во все стороны крупной и твердой груди. Гимназистик Сережа бежал с балкона за сестрой.

– Иду, иду! – крикнула она ему и вдруг, встряхнув косой, увернулась и неожиданно пустилась бежать вокруг площадки, быстро мелькая желтыми тufельками. Сережа взвизгнул от восторга и понесся за ней. На балконе удивленно и озабоченно залаяла белая лаечка и, подняв хвост калачиком, со всех ног пустилась за ними, точно покотился какой-то пушистый белый шарик.

Павел Иванович степенно опустил газету на колени, снял очки и снисходительно улыбнулся. Ольга Петровна пролила мимо тарелки ботвинью и засмеялась.

– Ну, расшалилась... а еще невеста! – мягко и с радостной любовью сказала она.

Лиза стремглав облетела вокруг большой клумбы, налетела на лаечку, запутавшуюся в подоле ее серой юбки, и упала на дорожку, руками в чистый желтый песок. Развернувшаяся книга, сверкнув на солнце белыми листами, далеко полетела в траву.

– Ага! – оглушительно закричал Сережа и осторожно схватил ее за длинную, развившуюся косу. – Поймал!

– Я сама упала... – серьезно возразила Лиза, встала, подняла книгу и степенно пошла на крыльцо. Лаечка выжидательно вертелась у нее под ногами, то и дело становясь на задние лапки; а Сережа задира, встряхивая круглой выстриженной головой.

– Да... упала... Я бы все равно поймал!

Лиза села за стол, взяла ложку и задумалась. Все смотрели на нее. Было что-то такое радостное, милое и красивое в ее молодости, в ее небольшой упругой груди за серым, строгим платьем, в ее только что закруглившихся плечах, в свежем запахе ее волос и нежного, сильного, молодого тела, – что вокруг нее всегда и везде устанавливалась чистая атмосфера молодой радости, в которой легко дышалось и интересно, весело жилось. Ее новая, могучая жизнь, наполнявшая все ее существо, была ключом, освещала и согревала все вокруг.

Ложки слабо позвякивали о края тарелок; лаечка чихала под столом; солнце золотило волосы Лизы. Было просто, тихо и светло.

II

Вечером пришел корнет Савинов, предполагаемый жених Лизы, и зазвенел на балконе шпорами, сверкая лакированными голенищами сапог и туго натянутыми рейтузами.

Было так тихо в воздухе, прозрачном и светлом от лучей уже невидимого солнца, что все звуки казались стеклянными и дрожащими, а легкое покашливание корнета гулко отдавалось в саду, между темными, сочно-зелеными деревьями.

Сережа надел фуражку и пошел на реку ловить рыбу удочкой, на которую, черт знает почему, никогда ничего не ловилось; а Лиза закрутила в толстый жгут волосы и сказала:

– Николай Николаевич, мы пойдем на бульвар.

Корнет радостно звякнул шпорами и, отчетливо шагая лакированными сапогами, принес ей с балкона накидку.

Они пошли под руку, и в тех напряженно-осторожных движениях, с которыми корнет нес маленькую, круглую ручку, доверчиво лежавшую на белом рукаве его кителя, было видно, что все его существо, плотно затянутое в рейтузы и китель, так же напряжено в одно бесконечно благоговейное чувство любви, восторга и робкого, почти целомудренного, желания.

На дворе они встретили мамку квартирантов с маленьким ребенком на руках. Ребенок тарачил глупые, водянистые глазки и тянулся к Лизе.

Лиза бросила корнета и взяла ребенка на руки. Она высоко подкинула ребенка вверх, потом прижала щечкой к своей щеке и посмотрела на корнета.

– Гм!.. – хмыкнул ребенок и счастливо засмеялся, размахивая короткими обрубками-ручонками и пуская пузыри.

Лиза вдруг сконфузилась, отдала ребенка и чинно пошла вперед. На лице у корнета было написано такое счастье, что оно стало блаженным.

На бульваре их встретил Паша Афанасьев, гулявший с маленькой, сухонькой барышней, у которой была большая голова с сухими черными волосами, еврейские миндалевидные глаза и мелкие, торопливые движения.

– А, вот и вы, Лиза! – громко сказал Паша Афанасьев, и не сразу, сухо прибавил корнету, которого, как и всех военных, не любил и считал глупым, пустым человеком:

– Здравствуйте, господин Савинов!

– Здравствуйте!.. – дружелюбно ответил корнет. Паша Афанасьев немедленно отвернулся от него и сказал Лизе и маленькой еврейке:

– Ну вот познакомьтесь: это Дора Моисеевна Баршавская, а это Лиза Чумакова, о которой я вам говорил...

Лиза протянула руку, и Дора крепко и отрывисто встряхнула ее своей узкой и сухой рукой.

– Очень рада с вами познакомиться... Паша мне много о вас рассказывал.

В конце бульвара был военный клуб, и в его саду играла музыка. Звонкие металлические звуки труб далеко разносились по бульвару, гоня друг за другом в каком-то неопределенном мотиве, не то очень грустном, не то очень игривом.

Девушки пошли рядом впереди, а корнет и Паша Афанасьев тоже рядом, сзади.

– Трам... та-та... трам... та-та... там! – тихо и с удовольствием повторял за мотивом корнет.

– Терпеть не могу военной музыки! – сказал Паша Афанасьев, брезгливо морщась, не потому, что ему действительно были неприятны звуки труб, – в таком прозрачном воздухе все звуки были чисты и приятны, – а потому, что корнет казался ему пошлым и раздражал его.

– Разве? – спросил корнет дружелюбно и высоко поднял брови.

– Представьте себе! – с иронией ответил Паша Афанасьев. – И звуки какие-то пошлые, и мотивы ваши капельмейстеры выбирают какие-то... черт их знает!.. Скажите, пожалуйста, ведь есть же хорошая музыка!.. А впрочем, у них в каждом звуке слышится, что до музыки собственно никому нет никакого дела, а просто надо увеселять обывателей, – ну и увеселяют...

– Что ж, – уступчиво возразил корнет, – все-таки приятно, знаете, в такой чудный вечер послушать хорошенький мотивчик.

Паша Афанасьев посмотрел на него с уничтожающим презрением и закусил себе губу.

– Вот, – с удовольствием прислушиваясь, сказал корнет, – оч-чень хорошо... Это из «Гейши»... – с еще большим удовольствием пояснил он и слегка прищелкнул в такт пальцами.

Паша Афанасьев, окончательно искривив губы, посмотрел на него и хмыкнул носом. Лиза повернула голову и серьезно посмотрела на корнета.

– Ну-с, – сказал Паша Афанасьев, помолчав, – итак, мы все осенью двинемся...

– Да... – резковатым и отрывистым голосом ответила Дора.

– Куда? – спросил корнет удивленно.

– В Петербург! – ответил ему Паша Афанасьев, и ему почему-то стало жаль корнета.

– То есть... А Лизавета Павловна? – тем же удивленным тоном спросил корнет, и в его мужественном голосе что-то вздрогнуло.

– Все, все тронемся!.. – сказал Паша Афанасьев. Корнет замолчал, и на его красивом и неумном лице ничего нельзя было разобрать.

– Вы решили, на какие курсы? – деловито спросила Дора.

– На медицинские, конечно! – с жаром ответил за Лизу Паша Афанасьев.

– На медицинские... – серьезно сказала и Лиза.

– Я думаю, тут не может быть выбора! – горячо заговорил Паша Афанасьев, как-то чересчур молодо размахивая руками. – Что такое при теперешних условиях педагогические курсы? Чепуха!.. Учить тому, чему вам хотелось бы, не позволят, а вдалбливать азбуку... слуга покорный!.. То ли дело медик! В его-то дело вмешаться трудно... А какое, в сущности, счастье хоть одного человека спасти от смерти или страданий!.. Глядишь, совсем пропала жизнь, и вдруг... ведь это только понять надо!..

Добрые большие глаза Паши от волнения покрылись влагой.

– Да, и притом это самое нужное теперь народу! И медику легче всего пропагандировать! – немного в нос отозвалась Дора.

Музыка оборвалась на высокой ноте резкой и звонкой трубы. Стало тихо. Звезды незаметно высветились над городом, а на бульваре потемнело так, что не видно стало уж лиц. В конце бульвара, под большими липами, вспыхивали папиросы и чуть-чуть белели кителя офицеров.

– А впрочем, – проговорил Паша Афанасьев таким углубленным голосом, точно отвечал на свои собственные мысли, – всякий труд есть труд прежде всего... Исполняй честно свое дело, а польза будет... Дело не в том, чтобы самому зажить настоящей жизнью, чтобы была в ней борьба и победа... Ах, когда я подумаю, что еще два-три месяца, и я буду далеко от всех этих сереньких, сытеньких, спокойненьких людишек, от всех их мелких интересиков, – так у меня даже в груди что-то замрет!

Корнет издал какой-то неопределенный, дрожащий звук.

– Что? – строго спросила Лиза. Корнет промолчал.

– Главное – учиться, учиться и учиться! – резким голосом, точно считая, и встряхивая головой, проговорила Дора. – В этом сила, в этом все!.. Нам нужны только образованные люди, – довольно дилетантов... С голыми руками в наше время ничего не сделаешь!

– Ну да! – сказал в темноте голос Паши Афанасьева. – И не только для того, чтобы что-нибудь сделать, а прежде всего для самого себя, для своей личной жизни прежде всего... Надо знать все, чтобы уметь понимать всю красоту и радость жизни!

– Расширить кругозор... – вдруг неестественно уверенным тоном, в котором было слышно что-то робкое и жалкое, сказал корнет.

Все внезапно замолчали, так что стало даже неловко.

Лиза опять посмотрела на корнета, но в темноте не увидела ничего, кроме белевшего кителя.

Паша Афанасьев засмеялся коротко и враждебно. У него уже не было жалостливого чувства к корнету, а было приятно оборвать его и унижить.

– Для корнета христолюбивого воинства и то слава Богу! – шепнул он Доре.

– Н-да... – сказала Дора, и по голосу ее было слышно, что она сдерживает насмешливую злорадную улыбку.

И оттого, что пропало чисто дружелюбное настроение и сменилось мелкой злорадностью и обособленностью, вдруг всем стало уже не так весело, как-то пусто и неловко.

– Пора по домам, – сказал Паша Афанасьев и почему-то вздохнул.

Дора зевнула.

– Да-а...

Они все проводили Дору до ворот ее дома и пошли назад втроем. Дорогой Паша Афанасьев спрашивал корнета, читал ли он Ницше и Маркса. Корнет отвечал, что читал; но в голосе его была слышна неуверенность, и когда Паша Афанасьев злорадно спрашивал его, помнит ли он то или то, корнет каким-то мучительно-тупым голосом и дыша через нос говорил:

– Не помню, право... Кажется, это я пропустил... Знаете, так мало времени свободного...

Лиза серьезно слушала их, и ей было странно, что одно время, еще так недавно, она собиралась замуж за корнета. Теперь она подумала, что этого ни в каком случае не будет, и почему-то ей стало грустно.

Паша Афанасьев остановился у своего дома, а корнет проводил Лизу еще несколько шагов до калитки ее двора. Им было слышно, как Паша Афанасьев, подымаясь на деревянное крыльцо, стучал каблуками, а потом загремел щеколдой.

– До свиданья, Николай Николаевич! – сказала Лиза, протягивая руку.

Корнет взял ее руку и сейчас же выпустил.

– Лизавета Павловна, – вдруг заговорил он дрожащим и странным у такого большого, мужественного человека, слабым голосом, – это, значит, правда, что вы уезжаете?..

Лиза вдруг неприятно вспомнила, как Паша Афанасьев, смеясь, уверял ее, что когда она скажет Савинову о своем отъезде, корнет вытащит из кармана пушку и сейчас же «безвозвратно» застрелится.

– Еду... – сухо и даже враждебно, как никогда ни с кем не говорила, ответила она.

Корнет помолчал.

Левая нога его в гладко натянутой синей рейтузе сильно дрожала, и что-то непонятное, тяжелое и безнадежное давило под грудь.

– Так... – срываясь, выговорил он. – Зачем?..

– Учиться, конечно... – пожала мягкими плечами Лиза и строго посмотрела на него.

– Разве это... непременно надо? – спросил корнет. Лиза не ответила, и ей все страннее казалось, как это она могла думать выйти замуж за такого тупого и ограниченного человека.

– Ну, пора домой... – сказала она холодно. – До свиданья!

– А я, Лизавета Павловна... что ж... пулю в лоб!.. – пробормотал каким-то бессмысленным и тяжелым голосом корнет и совсем не то, что хотел сказать.

– Из пушки? – серьезно спросила Лиза.

– Н-нет... – удивился корнет. – Почему из пушки?

– Так... до свиданья! – сказала Лиза и опять протянула руку.

Корнет хотел еще что-то сказать, но мучительно проглотил и остался один. С минуту он стоял неподвижно, а потом повернулся и тихо пошел по улице, цепляясь шпорами.

Сторож неодобрительно постучал где-то в темноте под забором.

III

Через четыре месяца Лиза Чумакова и Дора Баршавская ехали в Петербург. Паша Афанасьев уехал раньше и должен был встретить их на вокзале. Ехали они в третьем классе.

Была уже осень, и погода стояла серая, дождливая, но еще светлая и тихая. Дождь шел целый день. Все было мокро – и вагоны, и рельсы, и начальники станций; шпалы почернели; пронесившиеся мимо, вздувшиеся речонки и лужи мелко рябили от дождя. Все было мокро и блестело, точно на каждом желтом листочке, на каждом столбе, на земле, на людях – была своя водяная прозрачная корочка. И все мелко дрожало и струилось под дождем.

Дора сидела на своем месте в вагоне и читала, а Лиза стояла на закрытой площадке у окна и смотрела своими выпуклыми, немного вопросительными глазами назад, где дрожащий за сеткой дождя мокрый, серый горизонт сливался с белым, однообразным небом. И ей все казалось, что оставленный город, отец и мать, Сережа, лаечка, старый дом, все такое бесконечно дорогое, до боли милое, где-то тут, сейчас же за горизонтом, и что если приподняться повыше на цыпочки – увидишь.

– Тра-та-та... тра-та-та... тра-та-та!.. – ритмически, с железной жестокостью стучал поезд, уносясь все дальше и дальше.

– Траррарах!.. – загудел и задрожал мимо высокий железный мост над какой-то большой желто-грязной рекой. Лиза заглянула вниз и далеко под собой увидела показавшиеся ей игрушечно маленькими лодки, барки, тянувшиеся одна за другой, мокрые дрова на барках, серых, маленьких людей, что-то ворочавших длинными, тонкими шестами, и мутную, широкую, желтую воду, медленно уплывавшую куда-то, крутясь мелкими воронками и струйками водоворотов. Было грязно и печально на этой желтой реке, в размытых желтых берегах, по которым чахло и мертвенно-неподвижно зубились елки и березки. Все было такое чужое, холодное, незнакомое.

Лиза вдруг с ужасом подумала: «Что они там делают?..»

Было непонятно, чуждо, а потому страшно ей то, что делали маленькие, незнакомые люди с длинными шестами, куда и откуда текла мутная река, кто и как жил на размытых желтых берегах, за этими зубчатыми елками и березками.

Когда стало смеркаться, Лиза вздохнула, пошла в вагон, где уже зажгли фонари и задвигались.bestолковые огромные тени, и села возле Доры.

– Куда мы едем? – хотела всей грудью, всем существом своим спросить Лиза, но вместо того сказала своим низким, немного ленивым голосом:

– Паша нас встретит, должно быть.

– Конечно... – ответила Дора.

Она уже давно перестала читать, и ей было теперь тоскливо, страшно и жалко себя в огромном, угловато-неуютном вагоне, где копошились, лутили семечки, говорили неестественно громкими голосами, играли на гармонике и сдержанно ругались какие-то новые, странно грязные и озлобленные на что-то люди. В эту минуту та неведомая, полная движения, шума и успеха жизнь, которая давно ярко рисовалась ее жгучему самолюбию, показалась ей несбыточно невозможной, нелепой и жалкой. Она обрадовалась Лизе и, не спуская блестящих глаз, смотрела из своего темного угла на ее знакомое, давно милое, понятное лицо.

– Лизочка! – сказала Дора тихо.

Она взяла ее мягкую, теплую руку своими сухонькими, узкими руками.

Лиза внимательно посмотрела на нее и вдруг серьезным и широким движением обняла и притянула к себе.

– Нет, ты посмотри еще, а тогда приходи на это место и потолкуем!.. – со злобой, резко выкрикнул кто-то из-за деревянной перегородки.

– Тиу!.. – плачевно пискнула гармоника.

Высокий, до странности худой мастеровой, в казинетовом пиджаке и в красной рубашке навыпуск, вышел из-за перегородки и, пошатнувшись, сел против Лизы.

– Куда изволите ехать? – спросил он, помолчав. Слышно было, что от него сильно пахнет водкой.

– В Петербург... – ответила Лиза.

Через перегородку стал сверху смотреть другой человек, должно быть, солдат, с крутыми рыжими усами и рябым лицом.

– Так... – сказал мастеровой и стал тяжелым, пьяным глазом смотреть на Лизу, на лицо и на грудь.

Стало страшно.

Солдат вдруг засмеялся и фыркнул.

– А чего вы там не видели? – спросил мастеровой, и по заплетающемуся звуку его голоса и покачиванию вперед стало видно, что он страшно пьян.

– Лиза, – испуганно позвала Дора, – пойдем, постоим на площадке.

– Что ж, вы со мной разговаривать не желаете? – ломаясь, враждебно спросил опять мастеровой.

– Нет, отчего же... – торопливо ответила Лиза.

– Я спрашиваю... люб...бопытно мне знать, для чего, например, в Петербург?..

– Учиться... – покорно ответила Лиза. Солдат опять засмеялся.

– Учиться? – переспросил мастеровой. – А не...? Солдат фыркнул, как лошадь, и от восторга упал лицом на перегородку.

Дора испуганно заплакала. Лиза смотрела на мастерового серьезными, внимательными глазами, и в груди у нее что-то пустое и холодное мучительно сжало сердце.

– Вот я те как дам по уху, – неожиданно сказал с другой стороны вагона бородастый старый мужик в лаптях, – так будешь знать, как обижать зря, дурак!

Мастеровой мутными глазами посмотрел на него.

– А мне наплевать... черт с ними! – Он выругался скверным словом, встал и ушел.

– Наро-од!.. – укоризненно сказал старый мужик и тоже встал и пошел за ним.

– А вы отколь едете? – спрашивал он кого-то.

– Из-под Калуги... – ответил тот же мастеровой.

– А мы курские... – сказал мужик.

К вечеру воздух в вагоне стал еще тяжелее. За стеклами в темноте невидимо, дрожа, колотился дождь, и бесконечно стучал поезд.

Дора тихо улеглась на своем месте, и чувствовалось, что она боится пошевелиться. Лиза опять ушла на площадку, с которой уже ничего не было видно, а было только холодно и мокро, и там простояла часа два, напряженно и тоскливо глядя в темноту.

Ей припомнилось, как два дня тому назад ее провожали из дому. Сережа и мать плакали, а в доме было так пусто, как будто только что вынесли что-то самое важное, без чего все должно затихнуть, опустеть, замереть. Потом на вокзале вдруг неожиданно подошел к ним Савинов, в серой, длинной, мокрой от дождя шинели, и лицо у него было серое, мокрое и измученное.

– Лизавета Павловна... – сказал он дрожащим голосом. – Я с вами хотел поговорить...

Лизе стало тяжело и неприятно. Все, что можно было сказать, уже было переговорено сто раз за это лето. Ей даже казалось, что все лето продолжался этот нудный, скучный разговор о том, чего нельзя было переделать. Сначала ей до слез было жалко корнета, но потом он стал раздражать ее, и не потому, что надоел ей, а потому, что все смеялись над ним, и ей было стыдно, что она чуть-чуть было не вышла за него замуж.

– Он правильную блокаду ведет с вами! – говорил Паша Афанасьев. – Бедный, он сильно страдает, а все похож на индюка, у которого выщипали хвост!

Все-таки она пошла с ним по платформе, блестящей от дождя.

– Вы скорее... – холодно заметила Дора.

– Сейчас! – ответила Лиза уверенно.

– Я не задержу Лизавету Павловну... – печально прибавил корнет.

Они прошли молча два раза взад и вперед. Корнет тяжело дышал и смотрел вниз на забрызганные грязью лакированные сапоги.

– Ну, что вы мне хотели сказать? – спросила Лиза.

– Я... Значит, все между нами кончено? – проговорил корнет унылым голосом, и слышно было, что спросил он это Бог знает зачем, и сам прекрасно понимает, что все кончено.

Лиза молчала. Прозвонил первый звонок. Корнет вздохнул.

– Лизавета Павловна, – вдруг быстро заговорил он, – я, может быть, и очень смешной и... человек не... но я не стану вам мешать... Вы знаете, что более преданного вам человека вы не найдете... Я, правда, не понимаю, почему вам нужно ехать, когда вы и здесь... столько счастья всем... Может быть, я недостоин вас... конечно... но я бы пешком пошел за вами, если бы знал, что... Вы меня простите, Лизавета Павловна, если я...

Вдруг губы корнета задрожали, и лицо его стало жалко и похоже на детское; он круто оборвался и замолчал.

Потом он деятельно помогал переносить вещи, кричал на носильщика и долго махал фуражкой, когда поезд отошел.

– А он, в сущности, ничего... – сказала Дора про корнета. – Только скучный ужасно.

И вот, глядя в темный четырехугольник окна, за которым что-то мерещилось, Лиза подумала теперь, что было бы, если бы вдруг, когда к ним приставал и ругал их мастеровой, дверь отворилась и вошел корнет. И вдруг ей страстно захотелось его увидеть, прижавшись, пройти по саду под руку, почувствовать себя безопасно, спокойно, чисто и просто.

Лиза тихо заплакала, и слезы катились мимо носа по еще детски пухлым губам и падали на закруглившуюся невысокую грудь.

IV

Весна началась. Вся земля вздохнула, точно свалилась с нее огромная, прилипчивая тяжесть. Это теплое, влажное, пахучее и радостное для всего живого дыхание земли было ясно слышно в городе, с полей и лесов, приносимое мягким, упругим ветром. Где-то начинал таять мягкий, белый и хрупкий снег, потекли чистые струйки холодной как лед воды и появилась на проталинах еще сырая, но уже готовая зазеленеть трава. Но в самом городе мало было видно весну: снег там и зимой был незаметный, талый и грязный, морозов не чувствовалось так остро, – жизнь и зимой и летом была одинаково суетливая и пестрая.

В палате военно-медицинского госпиталя было светло. В открытую форточку струей вливался запах весны, и оттого было еще скучнее и невыносимее среди ровных рядов кроватей и умирающих, исхудалых людей.

Паша Афанасьев сидел у окна в госпитальный сад, где было больше зеленых заборчиков, чем деревьев, а на каждом деревце висел размокший кусочек картона с названием дерева по-русски и по-латыни. На коленях у Паши была книга, а руки, которыми он ее придерживал, были так худы и прозрачны, что на них жалко и больно было смотреть. Лиза Чумакова, Дора Баршавская и студент Андреев сидели с ним и молчали. Было странно и неловко говорить о чем бы то ни было, потому что в коридоре ассистент профессора сказал им, что Афанасьев умрет на этой неделе, что его безвозвратно убили вечное напряжение, непривычный, непосильный труд и чуждый климат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.